

Tuaba Mapuorumbi

P. Dr. Haruho

Р. Д. Паласио
Глава Шарлотты

«Розовый жираф»

2015

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7Сое)-44

Паласио Р. Д.

Глава Шарлотты / Р. Д. Паласио — «Розовый жираф», 2015

ISBN 978-5-4370-0300-8

Когда любимая подружка уходит в компанию главных красоток класса, а мальчишки затевают настоящую войну, благоразумнее всего держать нейтралитет, считает Шарлотта. В средней школе все немного противные, разве нет? А если ни с кем не ссориться и быть милой, тогда, может быть, и тебя пригласят за стол к популярным девочкам. Хорошо бы еще пройти танцевальный отбор и выступить на школьном благотворительном концерте в Карнеги-холле... Но как только Шарлотта перестанет слишком беспокоиться о мнении окружающих, окажется, что настоящие друзья у нее уже есть, а подготовка к выступлению — нечто куда большее, чем билет в крутую компанию.

УДК 821.111(73)-93

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-4370-0300-8

© Паласио Р. Д., 2015

© Розовый жираф, 2015

Содержание

Как я ходила в школу	5
Как я провела зимние каникулы	7
Как началась мальчишечья война	9
Как я сохраняла нейтралитет	10
Как я хотела рассказать Элли о разговоре с Джеком Тотом	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Р. Дж. Паласио

Глава Шарлотты

*Придет весна —
И песни фей с него стяхнут
Накидку сна.*

Сесиль Мэри Баркер, «Цветочные феи весны»

*Никто не может танцевать бугалу так, как я.
The Isley Brothers, «Никто кроме меня» (Nobody but Me)*

Как я ходила в школу

Каждый день по дороге в школу я проходила мимо слепого старика с аккордеоном на Мэйн-стрит. Он сидел на скамеечке под навесом супермаркета «Эй-энд-Пи» на углу Муравеню, а перед ним на одеяле лежала собака-поводырь. На шее у собаки повязана красная бандана. Черный лабрадор. Я точно знаю – моя сестра Беатриса однажды спросила его:

- Простите, сэр, что это за собака?
- Джони – черный лабрадор, мисс, – ответил он.
- Какой он милый! Можно его погладить?
- Лучше не надо. Она сейчас на работе.
- Хорошо, спасибо. Всего доброго!
- Счастливо, мисс.

Моя сестра помахала ему. Он, естественно, не мог этого знать и поэтому не помахал ей в ответ.

Беатрисе тогда было восемь. Я это хорошо помню, я тогда только начала ходить в детский сад при школе Бичера.

Сама я никогда не разговаривала с аккордеонистом. Если совсем честно, я его тогда побаивалась. Всегда открытые глаза затуманены, взгляд остекленел. Эти бежевые глаза напоминали белые мраморные шарики с коричневыми разводами. Меня они пугали. Я немного опасалась и его собаки, что уж совсем странно, потому что вообще-то я люблю собак. У меня у самой есть собака! А его пса с поседевшей мордой и каким-то липким взглядом я боялась. Но – и это «Но» с большой буквы – хоть я и трусила, я всегда бросала доллар в раскрытый футляр аккордеона. И каким-то образом, даже когда старик играл на аккордеоне и как бы тихо я ни подкрадывалась, он всегда слышал шорох долларовой банкноты, падающей в футляр.

– Боже, храни Америку! – говорил он в воздух, кивая в моем направлении.

Это всегда меня поражало. Как он все слышал? Откуда знал, в каком направлении кивать?

Мама объяснила, что у слепых людей развиваются все остальные каналы восприятия, чтобы компенсировать утерянный. Из-за того что он был слеп, у него развился суперслух.

Тут мне, конечно, стало интересно, а обладал ли он другими суперспособностями? Например, когда зимой было ужасно холодно, владел ли он магической способностью сохранять пальцы в тепле, чтобы нажимать клавиши? И как он сам согревался? В особо морозные дни, когда я начинала стучать зубами от холода на ледяном ветру, не пройдя и пары кварталов, как у него получалось играть на аккордеоне? Иногда я замечала ледяные ручейки на его усах и бороде, иногда он наклонялся проверить, укрыта ли собака одеялом. Значит, он *чувствовал* холод, но как он мог продолжать играть? Если это не суперспособность, то я не знаю, что это!

Зимой я всегда просила у мамы два доллара вместо одного, чтобы бросить ему в футляр.

Шурх. Шурх.

– Боже, храни Америку!

Он играл все время одни и те же восемь или десять песен. Только на Рождество добавлялись «Рудольф, Красный нос» и «Слушайте, ангелы-вестники поют!». А все остальное время это были одни и те же песни. Мама знала названия некоторых – «Делайла», «Тема Лары», «Вот это были деньки!». Я нашла и скачала песни с такими названиями, и правда, это оказались они. Но почему именно они? Это были единственные песни, которые он выучил, или единственные песни, которые он помнил? Или он знал еще кучу других песен, но играл только эти?

От всех этих вопросов мое любопытство только разгоралось! Когда он научился играть на аккордеоне? Маленьким мальчиком? Мог ли он видеть тогда? Если он был слепым, как он мог читать по нотам? Где он вырос? Где он жил, когда не сидел на углу Мэйн-стрит и Мур-авеню? Иногда я видела, как он бредет по улице со своей собакой – правой рукой он держал ее за поводок, а в левой нес футляр с аккордеоном. Они плелись так медленно! Не похоже было, что они могут далеко уйти. Так куда же они шли?

Я бы задала ему много вопросов, если бы не боялась. Но я так ни разу и не спросила его ни о чем. Я только бросала ему долларовые купюры.

Шурх.

– Боже, храни Америку!

Всегда одно и то же.

Когда я подросла и перестала его бояться, вопросы, которыми я задавалась раньше, больше не казались такими уж важными. Я так привыкла его видеть, что теперь не обращала внимания на его затуманенный взгляд и не думала, есть ли у него суперспособности. Но я по-прежнему давала ему доллар, проходя мимо. Правда, теперь это была скорее привычка – как приложить проездной к турникету в метро.

Шурх.

– Боже, храни Америку!

Когда я пошла в пятый класс, я перестала его встречать, потому что ходила в школу другой дорогой. Средняя школа Бичера на пару кварталов ближе к нашему дому, чем начальная, так что теперь я иду в школу с Беатрисой и Эйми, моими старшими сестрами, а возвращаюсь домой с моей лучшей подругой Элли и с Майей и Линой, которые живут по соседству. Иногда, в начале учебного года, мы ходили перекусить в «Эй-энд-Пи» сразу после школы, и тогда я видела человека с аккордеоном, давала ему доллар и слушала, как он благословлял Америку. Но когда стало холоднее, мы туда ходили не очень часто. Вот почему я только за несколько дней до зимних каникул – когда пошла с мамой за покупками в «Эй-энд-Пи» – поняла, что слепой старик с аккордеоном на углу Мэйн-стрит пропал.

Как сквозь землю провалился.

Как я провела зимние каникулы

Те, кто меня знает, всегда говорят, что я ужасно впечатлительная. Понятия не имею, почему они так говорят, потому что я совсем, совсем, совсем *не* впечатлительная. Но когда я узнала, что человек с аккордеоном пропал, я чуть с ума не сошла. Не знаю почему, но я заиклилась на том, что же могло с ним случиться. Я должна была разгадать эту тайну! Что же стряслось со слепым стариком, который играл на аккордеоне на углу Мэйн-стрит?

Никто не знал. Мы с мамой спросили кассиров в супермаркете, женщину из химчистки и мужчину из оптики на другой стороне улицы, известно ли им что-нибудь о нем. Мы даже спросили полицейского, который выписывал в этом квартале штрафы за парковку в неполюженном месте. Все его знали, но никто не знал, что с ним случилось, просто в один прекрасный день – паф! – и его больше нет. Полицейский сказал, что в холодные дни бездомных отвозят в муниципальные приюты, чтобы они не замерзли до смерти. Он думал, может, и человека с аккордеоном туда отвезли. Но женщина из химчистки была уверена: человек с аккордеоном не бездомный. Она думала, что он живет где-то в Ривердейле, потому что видела, как по утрам он сходил с автобуса номер *Vx3* со своей собакой. А мужчина из оптики сказал, что не сомневается, что человек с аккордеоном раньше был известным джазовым музыкантом и что у него есть куча денег, так что за него можно не беспокоиться.

Вы, наверное, думаете, что их ответы мне помогли, да? Ни чуточки! Появилось море новых вопросов, которые только подогрели мое любопытство. Например, устроился ли он в приюте для бездомных на зиму? Жил ли в собственном прекрасном доме в Ривердейле? Правда ли, что он был известным джазовым музыкантом? Был ли он богат? Если он был богат, зачем он играл на улице? Сестрам и родителям, кстати, порядком надоели мои разговоры об этом.

Беатриса сказала: «Шарлотта, если ты опять об этом заговоришь, меня вырвет прямо на тебя!»

А Эйми сказала: «Шарлотта, может, ты наконец перестанешь?»

Наконец моей маме пришла в голову идея, что было бы хорошо «направить» мою энергию в мирное русло и начать сбор теплых вещей в пользу бездомных. Мы развесили листовки с просьбой пожертвовать куртки «в хорошем состоянии» и оставить их в пластиковых мешках в огромном контейнере, который мы выставили перед нашим домом. Мы собрали около десяти большущих мусорных мешков, набитых куртками, и повезли их с родителями в центр города в «Миссию Бауэри», организацию, которая помогает беднякам и бездомным. Сказать по правде, было очень приятно отдать все эти куртки тем, кому они нужны! Пока мы были внутри, я все время оглядывалась – вдруг человек с аккордеоном где-то там, но его не было. В любом случае я знала, что у него уже есть хорошая куртка – ярко-оранжевая парка фирмы «Канада Гус», из-за которой моя мама считала, что все слухи о его богатстве могли быть правдой.

– Нечасто увидишь бездомного в куртке «Канада Гус», – заметила она.

Когда я вернулась в школу после зимних каникул, наш директор мистер Попкинс поздравил меня с благотворительным сбором. Понятия не имею, откуда он узнал. Все были уверены, что мистер Попкинс регулярно запускает дрона-разведчика, чтобы следить за всем, что происходит с его учениками – иначе откуда он знает все, что он знает.

– Какое чудесное дело для зимних каникул, Шарлотта, – сказал он.

– Спасибо, мистер Попкинс!

Мне нравится мистер Попкинс. Он очень милый. Особенно приятно, что он никогда не говорит с тобой как с маленьким. Он всегда говорит взрослыми словами, полагая, что ты их знаешь и понимаешь, и никогда не смотрит в другую сторону, когда ты к нему обращаешься. И еще мне нравятся его подтяжки, галстук-бабочка и красные кроссовки.

– Как ты думаешь, ты бы могла помочь мне организовать сбор теплых вещей в школе Бичера? – спросил он. – Раз уж теперь ты в этом эксперт, мне бы хотелось, чтобы ты поучаствовала.

– Конечно! – ответила я.

Вот так я приняла участие в первом ежегодном сборе теплых вещей в школе Бичера.

Как бы то ни было, со всем этим сбором и прочими драмами, происходившими в школе после зимних каникул (скоро расскажу подробнее!), я не успела решить загадку исчезновения слепого старика, который играл на аккордеоне на углу Мэйн-стрит. Элли ну нисколько не хотела мне в этом помогать, хотя раньше такое дело могло бы ее заинтересовать. Ни Майя, ни Лина вообще не вспомнили, кто это такой. На самом деле всем было совершенно все равно, что с ним случилось, так что в конце концов и я успокоилась.

Время от времени я вспоминала о старике с аккордеоном, и ко мне возвращалась какая-нибудь песня из тех, что он играл. Тогда я напевала ее весь день.

Как началась мальчишечья война

Когда мы вернулись в школу после зимних каникул, все только и говорили что о «войне», или, как ее называли, о «мальчишечьей войне». Все началось прямо перед зимними каникулами – за несколько дней до этого Джека Тота отстранили от занятий за то, что он ударил в челюсть Джулиана Албанса. *И вы говорите мне о драмах!* Все об этом сплетничали. Но никто точно не знал, почему Джек это сделал. Многие подозревали, это было как-то связано с Ави Пулманом. Чтобы стало понятнее, вы должны знать, что Ави Пулман – тот самый мальчик из нашей школы, который родился с серьезными лицевыми аномалиями. И когда я говорю «серьезными», я имею в виду «серьезными». Ну то есть *по-настоящему* серьезными. Все его черты лица не там, где им положено быть. Когда видишь его впервые, это просто шок – будто он носит маску или что-то в этом роде. Так что, когда он стал ходить в школу Бичера, его замечали *все*. Его было невозможно не заметить. Некоторые, например Джек, Джун и я, относились к нему хорошо с самого начала. Когда я проходила мимо по коридору, я всегда говорила: «Привет, Ави, как дела?» и все такое. Конечно, отчасти я делала это потому, что еще до начала учебного года мистер Попкинс попросил меня подружиться с Ави и помочь ему освоиться в школе, но я бы относилась к нему нормально, даже если бы он не попросил меня.

Но большинство – и в первую очередь Джулиан и его компания – совсем не были добры к Ави, особенно поначалу. Не думаю, что все как-то специально подличали. Просто им было слегка не по себе из-за его лица, вот и все. Они говорили всякие глупости у него за спиной. Обзывали его уродом. Играли в эту игру под названием «чума», в которой я, кстати, *не* участвовала! (Если я и не дотрагивалась до Ави Пулмана, то только потому, что у меня не было причины для этого – вот и все!) Никто не хотел с ним проводить время или делать вместе какой-нибудь школьный проект. По крайней мере в начале года. Но через пару месяцев все стали к нему привыкать. Не то чтобы все теперь вели себя очень приветливо, но хотя бы прекратили делать гадости. То есть все, кроме Джулиана. А он просто проходу Ави не давал! Как будто никак не мог смириться с тем, как Ави выглядит! Но разве бедняга мог с этим что-то поделать?

Короче говоря, все думают, случилось вот что: Джулиан сказал Джеку что-то ужасное про Ави. И Джек – как хороший друг – ударил Джулиана. *Бац!*

И Джека отстранили. *Бац!*

А теперь он вернулся! *Бац!*

И в этом-то вся *драма!*

Но это еще не все!

Потому что затем случилось вот что: на зимних каникулах Джулиан устроил большую вечеринку и, в сущности, настроил весь пятый класс против Джека. Он распустил слух, будто бы школьный психолог сказал его маме, что Джек эмоционально неустойчивый. И что бремя дружбы с Ави сломало его и превратило в злобного маньяка. Чушь какая! Конечно, это все была неправда, и большинство об этом знали, но это не помешало Джулиану распространять эту ложь.

И теперь все мальчишки участвуют в этой войне. Так все и началось. И это так *глупо!*

Как я сохраняла нейтралитет

Я знаю, обо мне все говорят, будто я пай-девочка. Понятия не имею, почему они так думают. Не такая уж я и пайнька. Но я не из тех, кто будет пакостить другим по чьей-то указке. Ненавижу, когда так делают.

Так что, когда все парни объявили Джеку бойкот и Джек не мог понять почему, я подумала, что должна хотя бы рассказать ему, что происходит. Я ведь знаю Джека с детского сада, он хороший парень!

Вот только я не хотела, чтобы кто-нибудь видел, как мы разговариваем. Некоторые из девочек, например компания Саванны, взяли сторону Джулиана, и я правда хотела сохранить нейтралитет – не хватало еще, чтобы кто-нибудь из них на меня разозлился. Я надеялась когда-нибудь с ними подружиться и совсем не хотела лишать себя всех шансов на это.

Так вот однажды перед последним уроком я подсунула Джеку записку, чтобы он подождал меня в 301-м кабинете после уроков. Он пришел. Там я ему все и выложила. Видели бы вы его лицо! Он так покраснел! Просто ужас! Бедняга! Мы с ним сошлись на том, что вся эта история ужасно дурацкая. Мне было очень его жаль.

После нашего разговора я незаметно выскользнула из класса.

Как я хотела рассказать Элли о разговоре с Джеком Тотом

На следующий день во время перерыва на обед я хотела рассказать Элли, что говорила с Джеком. Мы с Элли были тайно влюблены в него в четвертом классе. Он тогда играл Артфула Доджера в «Оливере» – ах, как ему шел цилиндр!

Я подошла к Элли, когда она доставала свой ланч из контейнера. Мы больше не сидим за одним столом, с тех пор как она пересела к Саванне на Хэллоуин. Но я все же доверяла Элли. Мы были лучшими подругами с первого класса, а это что-нибудь да значит!

– Привет! – Я подтолкнула ее плечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.